

представая в двух основных моментах: величия и «зла». Однако эти стороны являются ипостасями *одной* натуры и, несмотря на ужасный портрет «адского духа», каким он представляется Тамаре, в восприятии читателя Демон остается фигурой трагической — т. е. величественной, но несчастной. Этому помогает второй и основной план поэмы: мифологический образ оживает, вбирая в себя страсти и стремления живой человеческой индивидуальности.

Однако, если в процессе творческой переработки Демон превращается из абстрактно очерченной мифологической фигуры в образ и даже, в известном смысле, характер, то параллельно идет и другой процесс — насыщение его образа символическим смыслом. Символика же поэмы определяется уже не только художественным видением ее создателя, но и его философскими, религиозными, этическими и пр. взглядами, преломляющимися, разумеется, поэтически, в художественных образах.

Необходимо отметить, что указанные нами выше структурные планы лермонтовской поэмы являются различными сторонами единого, неделимого художественного целого. Их взаимосвязь и взаимопроникновение идут так далеко, что, например, философский смысл поэмы раскрывается не через отвлеченные рассуждения поэта, а через переживания и духовные искания героя, а использование мифологического мотива позволяет не только ярче и своеобразнее оформить, но и глубже раскрыть эти искания, выделив и их психологический аспект, и философскую сущность.

Вместе с тем для раскрытия сокровенного смысла, «пафоса» лермонтовской поэмы необходимо не только выделить указанные слои ее структуры, но и верно понять их соотношение в произведении. В связи с этим важно как можно более широко и в то же время точно определить жанр поэмы, не опуская ни одного из важнейших элементов ее структуры и в то же время не перегруживая их произвольно.

Замечания о жанре поэмы *Демон*, как правило, носят в лермонтоведении более или менее случайный характер. Большинство комментаторов, не ставя специально вопроса о жанре поэмы, рассматривают ее как произведение психологическое, причем психология раскрывается ими в основном в социальном плане. Наиболее характерна в этом смысле точка зрения А. Н. Соколова, который в своей книге *Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века* характеризует *Демона* как типичный образец «русской романтической поэмы, как она сложилась в творчестве Пушкина и декабристов», как «своеобразный итог развития этого жанра в его пушкинском варианте». В связи с этим исследователь говорит о том, что «сюжет *Демона* представляет собой глубокое переосмысление традиционной истории одинокого героя» и видит его своеобразие в том, что «Лермонтов подвергает глубокому и беспощадному анализу романтический индивидуализм как социально-психологическое явление». А. Н. Соколов отрицает связь *Демона* с традицией произведений о «духе зла», представленной в мировой литературе произведениями Байрона, Мура, А. де Виньи¹.

¹ А. Н. Соколов, *Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века*, Москва, 1955, стр. 597—602.